

— Ленинград, 21 сентября 1978 г.

Дорогой Сашок!

— На днях, пользуясь болезнью одного профессора, в освободившиеся часы сбегал в кино, в клуб Дзержинского по соседству. Посмотрел "Отца Сергия". Ты любишь Бондарчука (1). Если не посмотрел ещё, сходи. Фильм изруган знатоками, а мне понравился. Бондарчук (режиссёр, он же и о. Сергей) - очень хороший актёр, и в фильм душу вложил, это чувствуется. Маленькие отступления от толстовского текста не мешают. Жаль только, что не поставлены все точки над і. Простой народ не поймёт. Слишком уж красив, благороден и высок здесь о. Сергей. И его окружают плохие люди: невеста, император, льстивый настоятель монастыря, дьяволица-совратительница, грязный сброд, хватающийся за полы рясы целителя, полоумная девица со своим лукавым папашей. Вот и замучили, задавили бедного о. Сергия. Вот и в Сибирь он из-за них попал. В фильме нет последних сцен с бродяжничеством, а главное - нет ясно выраженной морали Толстого: "Я жил для людей (читай для мира сего) под предлогом Бога, а она (его святая родственница) живёт для Бога, воображая, что живёт для людей. Да, одно доброе дело, чашка воды, поданная без мысли о награде, дороже благодетельствованных мною для людей (т.е. для мира или века сего)... Да, нет Бога для того, кто жил, как я, для славы людской. Буду искать Его".

— (1) Когда вышли все серии "Войны и мира", мы с Димудей сошлись во мнении, что фильм хорош, как бы ни ругали его Пудовкин с Зайцевой за карикатурное изображение салона Шерер.

— В принципе, в фильме сделано много, чтобы сделать наглядной эту мысль, но для не читавших рассказ Толстого - недостаточно.

— Рассказ этот я (считаю его совершенно ирреальным) люблю, хотя и гораздо меньше, скажем, Хаджи Мурата. Мораль очень высокая, в лучших христиански-аскетических традициях. И протестантизм здесь, хотя и 100 %-ный, заметен только для намётанного, искущённого взгляда. Он чувствуется в расстановке акцентов. Мораль перевешивает христианство. Христианство без Христа. Во всём рассказе - ни слова о спасающей Личности Того, Чьи слова и назидания вдохновили сюжет. Христос Толстому никогда не был нужен, ему нужно было "евангелие христово по-толстовски".

— Ну, не все же столь сильны, как о. Сергей (читай Толстой). Не все же святые от природы, как дальняя родственница о. Сергия. Ведь 99 % людей - простые, не способные на великие дела грешники. Что же, им, ожидающим награды в сей и в той жизни, погибать без Бога? Да, отвечает Толстой. Пусть погибают, если не захотят послушаться Меня и моего учителя, того еврейского проповедника. Увы! назидания не спасают. Да и великие подвиги тоже. Что до проповедников, будь он хоть граф Толстой или называйся он Иисусом, кого они смогут удивить? Много их таких было!

— "И восстанут тогда лжехристы и лжепророки..." Кем был Толстой? Хотел быть первым (конечно, не лже-), стал только вторым.

— Сегодня праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Вчера на Всенощной вся церковь с упоением пела о том, что Христос Бог наш, "разрушив клятву, даде благословение, и упразднив смерть, дарова нам живот вечный" (т.е. "отменив проклятие, дал нам благословение и, уничтожив смерть, даровал нам вечную жизнь").

— Вот этим можно жить и спасаться, а не проповедями, не хорошими словами, которые часто сомнительны не только для слушающих, но и для говорящих их, не всплесками экзальтации, всегда сменяющимися периодам упадка, и сомнительными в своей качественности. Только живое и личное соединение со Христом, данное в освящающей

благодати таинств (не без молитвы, конечно), данное не в зыбких словах и восторгах, а в прочных материальных и исторических формах, в живом потоке несказанно богатой церковной жизни, - только это есть фундамент, на котором может найти смысл, утешение и уверенность даже тот грешник, который по немощи своей всю жизнь будет суетно искать людской славы.

—Господь милосерднее Толстого. Он, как говорится, в Пасхальную ночь "и последнего милует, и первому угождает, и оному дает, и сему дарствует, и дела приемлет, и намерение целует".

—А какая фантазмагорическая, жуткая (как в сумасшедшем доме) молитва у о. Сергия! (читай - у Толстого). Он всё время в страдательном состоянии, всё время несчастен, недоволен. Кажется почти нереальным, но я таких нытиков знаю. Он всё время чего-то просит и просит у Бога, надоедает ему своими претензиями и упрёками. Ни одной чистой, духовной молитвы! Ни одной улыбки, ни одной радостной хвалы или гимна. А ведь смысл существования всякой твари Божией даже птички или червяка в том, что "всякое дыхание да хвалит Господа" по словам Псалтири.

—Ну, Сергей сбежал (а что ещё остаётся делать?) и хоть под конец жизни улыбнулся гривеннику, который ему подал француз на большой дороге. Толстой бежал тоже, но не сподобился даже этого убогого счастья. Пожалеем его.

По поводу чрезмерного морализма Толстого вспомнил одну полушуточную сцену из гениального диалога Вл. Соловьёва "Три разговора", произведения, столь безупречного в смысле строгой логики и лучших традиций платонизма, что я на лекциях по логике читаю его по две странички с продолжением. Ребята млеют.

—Г-н Z рассказывает о своём не в меру совестливом друге, у которого был духовник, старец Варсонофий.

—"Когда мой друг начинал сообщать ему свои нравственные сомнения - прав ли он был в этом, не погрешил ли в том, Варсонофий сейчас прерывал его: "Э-э, насчёт грехов своих сокрушаешься, - брось, пустое! Вот как я тебе скажу: в день 539 раз греши, да главное не кайся, потому что согрешить и покаяться, это всякий может, а ты греши постоянно и не кайся никогда; потому ежели грех - зло, то ведь зло помнить - значит быть злопамятным, и этого никто не похвалит. И самое, что ни на есть худшее злопамятство - свои грехи помнить. Уж лучше ты помни то зло, что тебе другие сделают - в этом есть польза: вперёд таких людей остерегаться будешь, а своё зло - забудь о нём и думать, чтоб вовсе его не было. Грех один только и есть смертный - уныние, потому что из него рождается отчаяние, а отчаяние - это уже собственно и не грех, а сама смерть духовная. Ну, а какие там ещё грехи? Пьянство, что ли? Так ведь умный человек пьёт поколику вмещает, он безместно пить не будет, а дурак - тот и ключевой водой обопьётся, значит тут сила не в вине, а в безумии..."

—(В том же духе о прочих "грехах", в т.ч. о нарушении 7-ой заповеди)

—... А чтобы, значит, прежде всё вспоминать да сокрушаться: зачем, мол, я окаянный, невинности своей лишился, чистоту душевную и телесную потерял? - так это, я тебе сказку, одна чистая глупость, это значит себя прямо-таки дьяволу в шуты отдавать. Ему-то, конечно, лестно, чтобы твоя душа вперёд и вверх не шла, а всё бы на одном грязном месте топталась. А вот тебе мой совет: как начнёт он тебя этим самым раскаянием смущать, ты плюнь, да разотри - вот, мол, и все мои грехи тяжкие, так они для меня необыкновенно важны! Небось, отстанет! - по опыту говорю... Ну, а ещё там какие за тобой беззакония? Воровать, чай, не станешь? А ежели и украл - невелика беда: ныне все воруют. Так, значит, ты об таких пустяках и не думай, а берегись только одного - уныния. Придут мысли о грехах, - что, мол, не обидел ли кого чем, - так ты в театр что ли сходи, или в компанию какую-нибудь весёлую... А хочешь от меня непременно правило: в вере

будь твёрд, не по страху грехов, а потому, что уж очень приятно умному человеку с Богом жить, а без Бога-то довольно пакостно; в слово Божие вникай, ведь если его с толком читать, что ни стих - как рублём подарит; молись ежедневно хоть раз или два с чувством... Постись для здоровья желудка и прочих внутренностей - теперь все доктора советуют после сорока лет; о чужих делах не думай и благотворительностью не занимайся, если своё дело есть; а встречным бедным давай, не считая; на церкви и монастыри тоже жертвуй без счёта..., ну, и будешь ты здоров и душою и телом, а с ханжами какими-нибудь, что в чужую душу залезают, потому что в своей пусто, с такими ты и не разговаривай..."

—(В своих "Основах духовной жизни" уже на философских позициях Соловьёв показывает, что эти "основы" - именно молитва, пост и милостыня. Это соответствует евангельскому: "Род сей изгоняется только постом и молитвою" - об исцелении лунатика.)

В другом месте г-н Z рассказывает о том же Варсонофии: "Одну очень образованную старушку он привёл в восхищение. Она была хоть и русской веры, но заграничного воспитания, и много наслышавшись о нашем Варсонофии, отнеслась было к нему как бы к directeur de conscience, но он ей не дал много говорить о своих душевных затруднениях: "Да из-за чего ты этакой дрянью себя беспокоишь?! Кому это нужно? Вот и мне, простому мужику, скучно тебя слушать, а неужто ты думаешь, что Богу-то интересно! И о чём тут толковать: ты стара, ты слаба и никогда лучше не будешь".

—А вот житийный рассказ на ту же тему из того же диалога Соловьёва:

— "В Нитрийской пустыне спасались два отшельника. Пещеры их были в недалёком расстоянии, но они никогда не разговаривали между собой, разве только псалмами иногда перекликаются. Так провели они много лет, и слава их стала распространяться по Египту и по окрестным странам. И вот однажды удалось диаволу вложить им в душу, обоим зараз, одно намерение, и они, не говоря друг другу ни слова, забрали свою работу - корзинки и постилки из пальмовых листьев и ветвей - и отправились вместе в Александрию. Там они продали свою работу и затем три дня и три ночи кутили с пьяницами и блудницами, после чего пошли назад в свою пустыню. Один из них горько рыдал и сокрушался:

— Погиб я теперь совсем, окаянный! Такого неистовства, такой скверны ничем не замолишь. Пропали теперь даром все мои посты и бдения и молитвы, - зараз всё безвозвратно погубил!

— А другой с ним рядом идёт и радостным голосом псалмы распевает.

— Да ты что, обезумел, что ли?

— А что?

— Да что ж ты не сокрушаешься?

— А о чём мне сокрушаться?

— Как? А Александрия?

— Что ж Александрия? Слава Всевышнему, хранящему сей знаменитый и благочестивый град!

— А мы-то что делали в Александрии?

— Известно, что делали: корзины продавали, святому Марку поклонились, прочие храмы посещали, в палаты к благочестивому градоправителю заходили, с монахолюбивою домною Леониллою беседовали...

— Да ночевали-то мы разве не в блудилище?

— Храни Бог! Вечер и ночь проводили мы на патриаршем дворе.

— Святые мученики! Он лишился рассудка... Да вином-то мы где упивались?

— Вина и яств вкушали мы от патриаршей трапезы по случаю праздника Введения во храм Пресвятые Богородицы.

___ - Несчастный! А целовался-то с нами кто, чтобы о горшем умолчать?

___ - А лобзанием святым почтил нас на расставании отец отцов, блаженнейший архиепископ великого града Александрии и всего Египта, Ливии же и Пентаполя и судия вселенной - Кир Тимофей, со всеми отцами и братьями его богоизбранного клира.

___ - Да что ты, насмехаешься что ли надо мной? Или за вчерашние мерзости в тебя сам диавол вселился? С блудницами скверными целовался ты, окаянный!

___ - Ну, не знаю, в кого вселился диавол: в меня ли, когда я радуюсь дарам Божиим и благоволению к нам мужей священноначальных и хвалю Создателя вместе со всей тварью, - или в тебя, когда ты здесь беснуешься и дом блаженнейшего отца нашего и пастыря называешь блудилищем, а его самого и боголюбезный клир его - позоришь, яко бы сущих блудниц?

___ - Ах ты, еретик! Арьево отродье! Аполлинария мерзкого всеклятые уста!

___ И сокрушавшийся о своём грехопадении отшельник бросился на своего товарища и стал изо всех сил бить его. После этого они молча пошли к своим пещерам. Один всю ночь убивался, оглашая пустыню стонами и воплями, рвал на себе волосы, бросался на землю и колотился об неё головой, другой же спокойно и радостно распевал псалмы. На утро кающемуся пришла в голову мысль: так как я долголетним подвигом уже стяжал особую благодать Святого Духа, которая уже начала проявляться в чудесах и знамениях, то после этого, отдавшись плотской мерзости, я совершил грех против Духа Святаго, что, по слову Божию, не прощается ни в сём веке, ни в будущем. Я бросил жемчужину небесной чистоты мысленным свиниям, т.е. бесам, они потоптали её и теперь наверное, обратившись, растерзают меня. Но если я во всяком случае окончательно погиб, то что же я буду делать тут, в пустыне? И он пошёл в Александрию и предался распутной жизни. Когда же ему понадобились деньги, то он, в сообщничестве с другими такими же гуляками, убил и ограбил богатого купца. Дело открылось, он был подвергнут градскому суду и, приговорённый к смертной казни, умер без покаяния. А между тем его прежний товарищ, продолжая своё подвижничество, достиг высшей степени святости и прославился великими чудесами, так что по одному его слову многолетне-бесплодные женщины зачинали и рожали детей мужского пола. Когда пришёл день его кончины, измождённое и засохшее его тело вдруг как бы расцвело красотой и молодостью, просияло и наполнило воздух благоуханием. По смерти над его чудотворными мощами создан монастырь, и имя его перешло из Александрийской церкви в Византию, а оттуда попало в киевские и московские святцы".

___ Чем не иллюстрация к мрачному о. Сергию? Господи, до чего хорошо в Церкви! Всё-то там есть: все вопросы и все ответы. До чего муторно в каком-нибудь толстовстве или баптизме или материализме: ничего нет, даже вопроса толком поставить не могут, остаётся один скучный вопросительный знак. Им сыт не будешь.

___ Кстати, о высохших чудотворцах: у нас в семинарии вдоволь нахихикались по поводу "благолепия" Бондарчука - отца Сергия, десятилетия постившегося корочкой хлеба в день (если не постный день, разумеется). Как ему удалось в этих условиях сохранить все округлости, которые не скрыть никакими развевающимися рясами?

___ Всего хорошего. Целую обоих (четверых), Дима.

P.S. Фильм, кстати, на широкий экран в Ленинграде не вышел.

___ Блестящие цитаты из Соловьева: "...Грех один только и есть смертный - уныние..."

___ "...в вере будь твёрд, не по страху грехов, а потому, что очень уж приятно умному человеку с Богом жить, а без Бога-то довольно пакостно..."

___ А какая прелесть про двух отшельников!

— Ленинград, 25 сентября 1978 г.

Дорогой Сашок!

Ещё около года назад я переписал тебе одну из главок моего сочинения по нравственному богословию на тему "Гуманизм и христианская любовь", да почему-то не выслал. Нынче, перебирая бумаги (сiju дома простуженный), увидел и решил отправить. Сочинение, конечно, несерьёзное, писалось в один присест. Первые главы - о христианской любви - хоть и серьёзнее, но тебе, наверное, показались бы скучными.

Вообще-то я любил эти семестровые сочинения. Некоторые мне даже удались (по догматике, по патрологии). Но вот что делать с дипломом - не знаю. Времени на работу нет. Придётся отложить на год. А тему я выбрал интересную: "Святоотеческие толкования так называемых субординационистских мест в Свящ. Писании". Субординационизмом в истории догматов называют те течения мысли, которые устанавливают либо ипостасную, либо - что хуже - природную субординацию в бытии и отношениях Лиц Пресвятой Троицы (практически все философские и религиозные системы до Никейского собора 325 г.).

Всего наилучшего. Большой привет Сашуле.

Твой Дима.

— Вот этот отрывок.

—...Позднее средневековье (XI-XIII вв.) отличалось постепенным повышением уровня эрудиции в знании древних латинских, а затем и греческих авторов. Языческий "дичок", привитый к духоносному стволу Церкви, дал обильные плоды схоластического богословия. Классической эрудиции Средние века обязаны и своей великой "Божественной комедией", воспевавшей "Любовь, что движет солнца и светила", поэмой, которую трудно понять человеку, незнакомому с античной культурой, преломлённой в призме средневекового католицизма, но совсем невозможно - человеку, пребывающему вне Церкви.

— Однако, прискорбный отход Римской церкви от Вселенского Православия создавал в её недрах условия, способствующие проявлению антихристианских тенденций. На основе той же классической эрудиции наряду с умеренно православным богословием Фомы Аквинского появляются тревожные признаки надвигающейся тьмы безбожия в лице номиналистов. Номинализм был осуждён Церковью. Ересь от богословов на время уходит в мастерские художников и к поэтам. XIV век даёт Петрарку, чьи трактаты и сонеты ещё не обнаруживают явного противоречия христианскому вероучению, но несут на себе печать нарастающего отчуждения от Церкви и гордой самоизоляции. Начиная с XV века безудержно распространяется направление мыслей и чувств, получившее впоследствии название гуманизма. Вера уступает место удовлетворённостью очевидным. Надежда сменяется иллюзорным ожиданием изобилия земных благ. Любовь в лучшем случае вульгаризируется до поверхностной моды на идеализированное чувство. Сакральное предаётся забвению, на его место вступает профанное. Интерес к метафизике повсеместно сходит на нет. Короче - всё стало светским. Так произошла западноевропейская гуманитарная цивилизация - гниение, распад и почти уже смерть человеческой культуры.

— Внезапно во всех европейских странах выступает множество необыкновенных людей, можно бы сказать - воскрешенных римлян, или, вернее, римских призраков, восставших из гроба. Не только в торжественных речах употребляли они древние формулы, но и в интимных письмах и в дружеских беседах. Они клянутся Геркулесом и Поллуксом, дают обеты Венере Амагусской и Эскулапу Эпидаврйскому. Тщетно было бы противиться их симпатии к язычеству и отвращению к христианству. Однако, если бы эти люди жили в

эпоху древнего Рима, они были бы, вероятно, грамматиками-рабами у какого-нибудь проконсула; под старость их бы бросили на съедение угрям (знаменитое "ad murenas!") или продали бы, как инвалидов, во исполнение советов Катона, мудростью которого они так восхищались. Эта смехотворная ненависть к христианству проникла вместе с эрудицией в кабинеты прославленных учёных. Столь рассудительный и любезный грекофил Гемстергузиус имел обыкновение говорить, что за текст любого греческого автора он готов отдать целый воз сочинений Отцов Церкви: emerem plaustris Patrum Ecclesiae.

— Гиббон из ненависти к тем же Отцам фальсифицирует значительную часть своих хроник. Наконец, Гёте решился печатно заявить, что считает наиболее разумным и соответствующим человеческой природе культ нимф, сатиров и особенно Фатума. Дух этот воплотился во французской революции, он породил множество "граждан" - Катонов, Брутов и Каракалл, которые мало, впрочем, уже заботились о древних формулах и искренно стремились возродить комиции, трибунат, тогу и даже культ Всеблагой богини.

— "Возрождение" паганизма было, разумеется, мнимым. Языческая религия древности была неизмеримо выше в своих духовных устремлениях, нежели появившиеся неопаганистические системы пантеизма, деизма, материализма, позитивизма и т.п. Не "возрождение" язычества, а рождение гуманизма - вот плод исхода Средних веков. Основная черта, характеризовавшая гуманизм, состояла в том, что безусловно-самостоятельное развитие человеческого духа стали возводить в принципиально правильное развитие человеческого духа. Единственным миром отныне стала считаться наша земля. Единственным благом - благо на земле. Таким образом, по отношению к знанию гуманизм явил себя как рационализм, по отношению к нравственности как автономизм и по отношению к конечной цели жизни как эвдемонизм. Достоинство человека гуманизм доводит до апогея. Разумеется, это не христианское достоинство человеческого богоуподобления, не достоинство Богочеловека, а достоинство человеческого самоутверждения, достоинство человекобога. Если религиозное развитие жизни движется таким путём: из Бога, через Бога и для Бога, - то автократическое развитие гуманистов происходит из себя, через себя и для себя. Гуманистическая антропология в сущности поставила человеку задачей самодовлеимость, самопрославление, самопочитание и отрицание или игнорирование другого божества.

— Гордый рационализм, утверждённый гуманистами, отверг всякий контроль над собой, и "не знающий пределов" разум человеческий пустился в "беспредельное парение мысли", которое на самом деле было предельным испарением её. Тяжёлые пары притягивала земля, и земные низменности заволкли туманы, сквозь которые трудно было увидеть Небо. Давид Штраус говорит так: "Старая вера в личного Бога есть детская фантазия, покоящаяся на самообмане, будто находится вне нас, как нечто объективное, то, что в сущности имеет место только в нас самих и что лишь мы сами. Теология в сущности есть антропология". Карл Маркс, сравнивая религию с опиумом, утверждал, что "пока человек опутан оковами веры в Бога, для него невозможно счастье". Знаменитый автор "Жизни Иисуса" Ренан называет Бога, Провидение, бессмертие просто тяжеловесными словами и считает всякую религию делом личного эстетического вкуса. Гёте полагает, что человек только тогда почувствует себя истинно свободным и покойным, когда своею мыслью изгонит из этого мира всё высшее. Его "молитва к богам" содержит в себе лишь просьбу, чтобы они оставили его в покое: "Ах, вы боги, великие боги, обитающие в необъятном небе, в вышине! Ниспослите нам на землю лишь здравый смысл и доброе сердце, а мы предоставим вам свободно пользоваться вашими благами в высях вашего необъятного неба!"

— Не желает считать себя в "рабстве" у Бога и Теофиль Готье: "Не для меня приходил в мир Христос... Моя мятежная плоть не желает признавать над собой господства духа". Здесь пустая и вздорная материалистическая болтовня приобретает хоть какой-то

онтологический смысл. Оказывается, автономизм предпочитает "рабству" у Бога рабство своей "мятежной плоти". Это с одной стороны. С другой стороны, гуманизм достигает своего логического предела в Фридрихе Ницше, обожествлявшем уже не свою плоть, а свой дух. "Неприлично быть христианином, - пишет он. - Хорошо делают, что надевают перчатки при чтении Нового Завета. Христианство было величайшим несчастьем человечества. Оно заслуживает презрения", и т.д., и т.п. Ницшеанство проникает в Россию и, хотя в несколько смягчённом варианте, имеет здесь шумный успех. Так, Максим Горький пишет: "Людам порядочным и развитым не надо ни Бога, ни учений Церкви. Они знают, что гордое сознание человеческого достоинства развивается только под влиянием науки и искусства". Небо всё же иногда привлекает "гордое сознание" романтического босяка, но...

_____ "Я видел небо, - там только пусто.
_____ Я знаю правду: земли творенье,
_____ землёй живу я." ("Песнь о соколе")

_____ Эта низменная исповедь, разумеется, "развилась" не под влиянием науки и искусства. Дело в том, что антрополатрия - общая черта всех гуманистов, но различное самоощущение человека ведёт и к разнице в "культе": человек - земля порождает оземлянение; человек - скот - оскотинение (вспомним имевший столь большой успех и огласку культ "белокурой скотины" у Фридриха Ницше) и, наконец, человек - злой дух даёт осатанение. Курьёзным, но не единичным примером последнего состояния может послужить стихотворение Фёдора Сологуба "Корабль мой в бурном море плавал". Кошунственно пародируя апостола Петра, молившегося Христу в бурю, поэт взывает:

_____ "Отец мой, дьявол,
_____ спаси, помилуй -
_____ я тону!", -

и заканчивает "молитву" так:

_____ "Тебя, отец мой, я прослаблю,
_____ Хулу над миром я составлю
_____ И соблазняя соблазню".

Автономизм и эвдемонизм сообщают нравственным принципам гуманистов при всех частных расхождениях один общий характер: задача человека в этом мире есть ничто иное как приобретение доброго здоровья и материального благополучия. "Задача человека состоит в еде, питье и мытье, в этой триаде заключается существо и религиозного крещения и причащения" (Людвиг Фейербах). Разумеется, при честном и последовательном исповедании таких принципов немыслимы абсолютно-обязательные нравственные установления в человеческой деятельности. К таким последовательным выводам и приходят кумиры "передовой" молодёжи XIX века: Бюхнер, Молешотт, Ренан, Писарев и многие, многие другие.

"Грех и вина, - пишет Бюхнер, - небылица: любовь и ненависть, благородство и коварство, убийство и прочие пороки - необходимые следствия известных материальных комбинаций в нашем мозгу. Преступления против мнимой нравственности подлежат рассмотрению не судьи, но исключительно входят в сферу изучения естественной истории". "Так называемый разврат, - успокаивает Ренан, - на самом деле бывает лишь более полной и более свободной жизнью, великим пробуждением человеческих сил. Мир есть огромный круг, в котором гниение происходит из жизни, и жизнь из гниения... Порок и добродетель суть такие же естественные произведения, как купорос и сахар..." Писарев утверждает, что "возможно большее количество наслаждений - альфа и омега всякой разумной деятельности". Наконец, обобщает всё это крылатое выражение Молешотта: "Всё понимать значит всё прощать".

Так рассуждает последовательный гуманизм. Однако, здоровый инстинкт

самосохранения и продолжения рода, а также смутная, логически неоформляемая память о достоинстве человека не в автократическом смысле, а о достоинстве человека как носителя образа Божия, - всё это вызвало к жизни ряд нравственно-религиозных систем, которые, хотя и говорят вместе с героем драмы Ибсена "Брандт" о вере, как о "бабушкиной фантазии", всё же вместе с ним непоследовательно требуют только одного - "быть гуманными". Таковы: утилитаризм Бентама, разумный эгоизм Спенсера, альтруизм Конта... Обратим внимание на эти гуманистические движения, проповедающие гуманность во имя человека без Бога.

— Гуманистические системы, требующие гуманности, основаны, как правило, на рационалистическом постулате о безусловном, присущем человеку (разумеется, лишённому духовных запросов) стремлении к своей пользе (utilitas), реализуемой в общественной жизни через гуманность (как оптимум). Этот постулат альтруизма стал в своё время предметом горьких насмешек Ф.М. Достоевского. Говоря о будущем "хрустальном дворце" всеобщего счастья и пользы, писатель представляет себе, как вдруг ни с того, ни с сего среди всеобщего будущего благоразумия возникнет какой-нибудь джентльмен с неблагородной или, лучше сказать, с ретроградной и насмешливой физиономией, упрёт руки в боки и скажет нам всем: а что, господа, не столкнётся ли нам всё это благоразумие с одного разу, ногой, прахом, единственно с тою целью, ... чтоб нам опять по своей глупой воле пожить! Это ещё бы ничего, но обидно то, что ведь непременно последователей найдёт: так человек устроен. И всё это от самой пустейшей причины, об которой бы, кажется, и упоминать не стоит: именно оттого, что человек всегда и везде, кто бы он ни был, любил действовать так, как хотел, а вовсе не так, как повелевали ему разум и выгода..."

— Но гуманизм не привык задумываться над столь туманными метафизическими вопросами, как богодарованная свобода воли человека: ведь Бога нет, а, следовательно, исключена и возможность свободы.

В ответ на эти письма, а точнее, на первое из них - от 21 сентября, я написал Диме о своих впечатлениях о фильме "Отец Сергей" (я посмотрел его к тому времени) и при этом, очевидно, допустил ряд высказываний, не являвшихся плодом каких-то серьёзных размышлений, непродуманных, попросту говоря, но и вроде бы совершенно невинных, на мой взгляд. Жаль, нет этого моего письма, как, впрочем, и других, и не могу сейчас его вспомнить, именно оно направило ход нашей переписки в дискуссионное русло, положило начало беседе, которая длилась более года. Придётся довольствоваться теми цитатами из моих писем, которые, не ленись, приводит Дима в своих ответах на них.

Итак, следующее письмо от Димы от 3 октября 1978 г. передал мне в Калининграде Саша Чертков числа 6-го или 7-го октября.

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)